

ГАСТРОЛИ
ПЕРМСКОГО
ДРАМАТЕАТРА

РУКОЙ ДОСТАТЬ ДО СЧАСТЬЯ...

Чеховский аромат прозы Сергея Антонова.

Поэтичная, как девичья песня на заре, радиокомпозиция по рассказу «Поддубенские частушки».

Соперничество трудное, ибо лирические отступления писателя, его авторский комментарий при инсценировке встречаются с жесткими условиями рампы, нерастяжимым пространством сцены. К чести наших гостей, соперничество это выдержал коллектив Пермского драматического театра, показавший уфимцам антоновские Поддубки, антоновских девчат и парней, чьи сердца выливаются в песне. Коллектив театра сохранил для зрителя поэзию письма С. Антонова, облек в живую плоть песенную душу «Поддубенских частушек».

Кто герой лирической комедии, вокруг которого вытекает кружево сюжета? В чем основная фабула инсценировки?

Подобные вопросы не могут быть поставлены к спектаклю. И в этом вторая сторона положительного итога работы труппы: актерские силы и талант режиссера Г. Сумкина направлены не на один или два образа, чья сценическая судьба определена бы конфликтом произведения, а на весь ансамбль персонажей, психологически дружную семью колхозников объединенной артели. Сложное действие «Поддубенских частушек» строится не на любви Наташи к Семену, или Любы к Семену, или чудакатогого механизма к Наташе, не на отношениях председателя и колхозников, а на ситуациях этих и других жизненных ситуаций, которое и определило значение постановки.

Третье, что отмечает зритель в незаурядной работе Пермского театра, — стремление постановщика и исполнителей создать современное произведение, переживающееся с чужой поступью сегодняшнего дня. Рассказ С. Антонова написан более десяти лет назад. Но то, чем живут герои спектакля, составляет трепетное содержание жизни и сегодняшней колхозной деревни.

Однако в связи с последней темой нельзя пройти мимо отдельных интонаций постановки, которые несколько нарушают общую гармонию произведения и негативно подводят к одисси с серьезнейших проблем советского театра — к проблеме современного образного видения, стоящей первым пунктом в искусстве социалистического реализма.

Когда нужно говорить о недостатках сценического произведения, трудно подобрать наиболее подходящее слово, которое прозвучало бы точно. Оно в нашем случае могло бы иметь значение объединенного смысла трех слов — «принижение», «обеднение», «курирование», ибо в хорошем спектакле, если взять в целом, спектакле Пермского театра имеются и сожаления, элементы и того, и другого, и третьего. Порой это — лишь детали, неверный штрих. Да ведь и блокка между состоит из капель, и не хочется, чтобы хоть одна из них оказалась каплей дегтя. К опорчению, таких капель наберется по целой ложке, если приглядеться к центральному образом спектакля — Наташе, Любе, Грише.

Что такое Наташа? В спектакле о ней говорят: «Выходит, из всех наших с тобой чудес самое большое чудо — Наташка». Закройте глаза и вслушайтесь в те реплики, какие она произносит со сцены.

Эта девочка, тоненькая, как бечка в чаше, с глазами ребенка, может быть гордой и беспощадной...

Перед мысленным взором зрителя возникает гибкий образ девушки, вступающей в жизнь боком по россейным тропам поэтического восприятия мира. И не торопится зритель, открыть глаза, получите разочарование. Перед вами предстанет чуждая (чужд?) нездешняя (то автор чудных частушек?) некая жизнь (стремительная-то тан-

цовщица и певунья?) Наташа. Опущенные глаза, втянутая в плечи голова, локорные или нарочито озлобленные интонации речи.

Вот два из узловых сцен спектакля — Наташа помогает Семену строить пишестеру. Разумеется, больше мешает, чем помогает. Семен старается быть с ней строгим, боясь увлечь крылатое сердце девушки и сомневаясь в своей способности ответить на первое чувство неисклюшенной души. Идет диалог, который мог бы перелазаться алмазным россыпью недосказанного. Нет нужды повторять его, подчеркнем, что за всеми этими заурядными репликами, вроде: «Сея, вот я тебе ручку на долото насадила. Сама насадила, Хорошо?» — трепещет и бьется невысказанное чувство первого откровения любви — любви свободной и горячей. А вместо этого со сцены слышится, как токсильный стон, интонация: «Я твоя раба. Не гони меня». И не верится, что именно эта Наташа через несколько сцен произнесет слова, которые являются лейтмотивом произведения:

То в Тамбове, то в Мытишках
Наша Валька счастье ищет.
А чего его искать —
До него рукой достать!

Меньше всего мы хотели бы упрекнуть в принижении образа Наташи исполнительницу роли — артистку И. Лобову. Достаточно вспомнить ряд эпизодов спектакля, чтобы убедиться: артистка играет искренностью ей схему. Там, где искренность и интуиция таланта ломают неслучайно в этом случае трактовку режиссера, И. Лобова играет оваровательную Наташу, вдохновенную и гордую, как само девицество. Чаше всего это те сцены, когда Наташа — Лобова остается наедине со зрителем, рассказывает о своем чувстве с непосредственностью первой любви.

Тенденция к оубреленно присуща и исполнению артисткой Л. Пильненко роли Любы. Поразительно сходство неверных мазков в струнах Наташи и Любы. Вот у строящегося пичника поймаются Люба и уводит Семена составлять приятельственную речь. Уходя, счастливая сонсирниа Наташи делает последней «япса» Зачем?

Можно догадаться, что актеры желают изобразить своих героев проще, естественнее. Но ошибаются.

С большими оговорками может приять зритель образ комбайнера Гриши в исполнении артиста В. Май. В этом персонаже противоречие между портретом, алоизиющим при чтении рассказа, и образом, созданным на сцене, достигает наибольшей контрастности. Зритель видит довольно разняного незоросля. Актер стремится рассмыслить сидящих в зале. Трудно поверить, что именно о нем говорят: «Правильный парень. Культурный. Радолюбитель. Уж в МТС помойником комбайнера работает...» И тому, что подобные люди представляють спременную колхозную молодежь.

Эти образы снижают впечатление от спектакля и говорят о промахе, допущенном постановщиком. К сожалениу, очень часто и в других театрах режиссеры и исполнители рисуют образ себя по подобно. Не утруждая себя заботой понять, как поведет себя наша современница — молодая восторженная колхозница в данных ситуациях, режиссер очерчивает, а актриса изображает приблизительно такие чувства. И конкретная современность, современное видение жизни в образах терается.

Мы начали эти заметки с теплых слов. От них мы не отказываемся. Спектакль смотрится, радует и волнует зрителя. Равную долю в эту творческую радость внесли художники — заслуженный деятель искусства РСФСР А. Кузьмин и М. Ульяновский, создавшие простые, но выразительные декорации; и — подобные хорошему оркестру — массовые сцены, когда толпа является не фоном,

а активно действующим персонажем, и чутко выделенные фигурки колхозниц Вали и Фени (артистки Д. Нагорничных и Э. Римшевич), и, конечно, ярко индивидуализированное трио: Боровой (артист А. Арефьев), Семен (артист Б. Казинев), землеустроитель Андрей Петрович (артист Я. Панджариди).

Рассказчик из произведения С. Антонова, несколько инертный наблюдатель, обрел в исполнении Я. Панджариди более соиуну индивидуальности. Землеустроитель у Панджариди предстал основным носителем лирического начала спектакля. Самая большая победа актера в этом образе та, что он гармонично слил в одном лице автора и его героя, избрав возможной дидактики и морализации.

Никогда не теряя простоты, рисует своего героя — бригадира Семена артист Б. Казинев. Реальная выразительность и чувство меры сохраняются в его игре в сценах самого различного плана. Не чураясь некоторой романтизации образа Семена (чего не хватает в игре И. Лобовой, Л. Пильненко, В. Май), Б. Казинев создал тип, более сложный, чем у С. Антонова.

Образы председателя колхоза Борового, его дочери Настасьи Васильевны (артистка Г. Васильева), учительницы из Чехословакии (артистка Э. Шерстневская) дополняют и разнообразят чувство радости, которое возникает при встрече с хорошим спектаклем.

Постановка «Поддубенские частушки» в Пермском драматическом театре ставила целью рассказать зрителю о счастье наших людей, о том большом счастье, которое заключено не в одном человеке, а живет в согласном хоре. В целом эта цель достигнута.

С. САНТОВ